

ВЕЛИКОЕ
КНЯЖЕСТВО
ЛИТОВСКОЕ
В СОВРЕМЕННОЙ
БЕЛОРУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ ◎ Генадз Саганович

О белорусской историографии как чем-то концептуально самостоятельном, особенно по отношению к истории Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), следует говорить, видимо, лишь со времен распада Советского Союза, так как в советскую эпоху белорусские историки не демонстрировали какой-либо особенности своих национальных позиций. Им приходилось следовать за известными «Тезисами об основных вопросах истории БССР»¹, разработанными под руководством ЦК КПБ. Выражая идеологические основания марксистско-ленинского понимания прошлого, эта партийная разработка к числу «наиболее антинаучных и вредных концепций» относила, среди прочего, «отрицание постоянного стремления белорусского народа к единству с русским народом», а столетия вхождения Белоруссии в состав ВКЛ и Речи Посполитой называла «наиболее мрачным периодом в ее историческом развитии»². Другой не менее важной директивой для белорусской историографии советской эпохи стали «Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией», в которых было сформулировано положение о единой древнерусской народности, сразу же получившее статус теории³. Принятыми в качестве главных исходных установок тезисами 1948 и 1954 гг. историки руководствовались при написании всех учебников по отечественной истории и обобщающих академических трудов. Неудивительно, что все они были похожи один на другой как две капли воды, при этом собственно белорусской истории в них было менее всего. Как точно подметил американский историк Освальд Бакус, говоря об одном из таких учебников, в них доминировала «манифестация основных тенденций истории России»⁴.

¹ Тезисы об основных вопросах истории БССР. Часть 1: История белорусского народа до Великой Октябрьской революции // Известия АН БССР, № 3. Минск, 1948.

² Там же, с. 14.

³ «...русский, украинский и белорусский народы происходят от единого корня – древнерусской народности, которая создала древнерусское государство Киевскую Русь» (Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654–1954). Москва, 1954, с. 5).

⁴ Backus O. The History of Belorussia in Recent Soviet Historiography // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. NF. Bd., 1961, p. 79.

Лишь с середины 1980-х гг., благодаря «перестроечной» либерализации в СССР, в исторической науке Белоруссии впервые начали вызревать перемены. Концептуальное переосмысление отечественной истории и пересмотр ее основных положений происходили, правда, лишь в узких интеллигентских кругах и среди молодежи. Позиции официальной историографии стали меняться только после фактического распада Советского Союза и провозглашения государственного суверенитета Республики Беларусь. Уже в 1991 г. в Минске появился проект новой (первой собственной!) концепции исторической науки и образования, получившей название национально-государственной⁵. На ее основе вскоре были разработаны программы для средней⁶ и высшей⁷ школы, а также созданы первые учебники по истории суверенной Белоруссии. Писались они авторитетными «практикующими» историками, так что их содержание в целом отразило те основные тенденции, которые определялись новыми веяниями в исторической науке этой бывшей советской республики. Именно в этих учебниках появилось то, в чем можно усматривать позиции собственно белорусской современной историографии.

Поскольку в царской, а потом и советской исторической науке Белоруссия всегда рассматривалась как провинция, а белорусы – как народ несамостоятельный, никогда не имевший государственности и видевший свое будущее только в составе России, то национальная историография молодого суверенного государства естественной целью видела создание такого образа прошлого, который легитимировал бы существование белорусской нации и своей государственности. Поэтому одним из ее приоритетов стал демонтаж великодержавной исторической мифологии и поиск традиций собственной государственности, миф о которой занял в новой исторической литературе Беларуси особое место.

Истоки белорусской государственности просматривались в древнерусских княжествах, и, прежде всего, в Полоцком как самом древнем и сильном из расположенных на нынешней территории Белоруссии. Оно определялось как «раннебелорусская» или «древнебелорусская» держава, первое государ-

⁵ Касюк М. Нацыянальная канцэпцыя гісторыі Беларусі // Беларусь: шляхі абаўлення і развіцця. Матэрыялы навуковай сесіі Аддзялення гуманітарных навук АН Беларусі, 3–4 лістапада 1993 г. Мінск, 1993, с. 12–23; Біч М. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс, 1993, № 1, с. 15–24.

⁶ Программа па гісторыі для базавых агульнаадукацыйных школ. Мінск, 1995.

⁷ Ігнаценка А., Цяплова В., Несцяровіч Я., Сосна У. Программа курса «Гісторыя Беларусі» для студэнтаў ВНУ Рэспублікі Беларусь па спецыяльнасці «Гісторыя». Мінск, 1996.

тво на землях Белоруссии⁸. То есть в Полоцком княжестве виделось начало древней традиции белорусской государственности. Установление того факта, что она возникла тысячу лет назад, вскоре было представлено в качестве одного из достижений белорусских историков и археологов⁹.

Положение о едином древнерусском государстве и особенно теория древнерусской народности как общего корня восточнославянских народов, давно вызывавшие возражения, теперь были открыто поставлены под сомнение или объявлены ненаучными¹⁰. Историческое наследие Киевской Руси в новой учебной литературе оставалось практически без внимания¹¹. Такой курс позволял не связывать начала истории Белоруссии с «единым корнем». Различие исторических судеб восточнославянских народов уже на стадии происхождения выразительно подтверждалось и идеей об определяющей роли балтского субстрата в этногенезе белорусов. Сформулированная еще в 1960-х гг. российским археологом В. В. Седовым¹², но раскритикованная советскими учеными, в независимой Белоруссии она обрела второе рождение и подкреплялась все новыми публикациями археологов¹³. Различие истори-

⁸ Заяц Ю. У истоков белорусской государственности // Гістарычна навука і гістарычна адукцыя ў Рэспубліцы Беларусь. Ч. 1. Мінск, 1994; Тараасаў С. Узнікненне дзяржавы і царквы на Беларусі ў X–XIII ст. // Гістарычна навука і гістарычна адукцыя ў Рэспубліцы Беларусь. Ч. 1. Мінск, 1994, с. 34–38; Штыхай Г. Вытокі беларускай дзяржаўнасці // Беларускі гістарычны часопіс, 1993, №1, с. 25–33.

⁹ Касюк М. Асноўная вынікі і задачы даследавання гісторыі Беларусі // Гістарычна навука і гістарычна адукцыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развиція. Матэрыялы II Усебеларускай канф. гісторыкаў, 10–11 красавіка 1997 г. Мінск, 1999, с. 5.

¹⁰ Наиболее авторитетными по этой проблеме были публикации Г. В. Штыхова, считавшего древнерусскую народность по крайней мере несформировавшейся (см.: Штыхай Г. Насельніцтва зямель Беларусі ў IX–XIII ст. (вытокі беларускай народнасці) // З глыбі вякоў. Наш край: Гісторыка-культуралагічны зборнік. Мінск, 1992, с. 34–35; Штыхай Г. Народнасць, якую прыдумалі гісторыкі // Беларуская мінуўшчына, № 1. 1997, с. 25–28). Одним из самых последовательных защитников теории древнерусской народности оставался археолог Э. М. Загорульский (см.: Загорульскі Э. М. Из истории возникновения древнерусской народности // Веснік БДУ, 1991, сер. 3, № 2, с. 16–20; Загорульскі Э. Заходняя Русь: IX–XIII ст. Вучэб. дапаможнік. Мінск, 1998).

¹¹ См.: Штыхай Г., Пляшэвіч У. Гісторыя Беларусі. Стараўгутныя часы і сярэднявечча. Вучэбны дапаможнік. Для 5–6 кл. Мінск, 1993; Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мінск, 1994; Гісторыя Беларусі. Дапаможнік для паступаючых у ВНУ, пад рэд. Ю. Казакова і інш. Мінск, 1998.

¹² См., например: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвина. Москва, 1970.

¹³ См., например: Дучыц А. Роля балтаў у этнагенезе беларусаў (на матэрыялах вывучэння касцюма XI–XII стст.) // Гістарычна навука і гістарычна адукцыя ў Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэнтры і падыходы: Усебел. канф. Гісторыкаў, Мінск, 3–5 лютага. Ч. 1. Мінск, 1994, с. 14–19; Зайкоўскі Э. Балты цэнтральны і ўсходній Беларусі ў сярэднявеччы // Спадчына, 1999, № 1, с. 61–72; Дучыц А. Балты і славяне на тэрыторыі Беларусі ў пачатку II тысячагоддзя // Беларускі Гістарычны Агляд. 1995, т. 2, сп. 1, с. 15–29; Свяжынскі У. Балты і балцкія гаворкі ў старажытнай Беларусі // Кантакты і дыялогі, 1999, № 2/3, с. 11–16.

ческих судеб восточнославянских народов уже на стадии их возникновения подчеркивалось также тезисом о том, что Белоруссия – в отличие от России и Украины – в XIII в. не изведала монголо-татарского нашествия¹⁴.

Однако несравненно больший интерес белорусских историков вызвало ВКЛ, в состав которого на протяжении более пяти столетий входили земли нынешней Белоруссии. Если заметное пробуждение внимания к его яркой истории началось еще в середине – второй половине восьмидесятых годов, то в начале девяностых, сразу после провозглашения государственного суверенитета Республики Беларусь, наступил период его самого резкого подъема. В то время количество научных и особенно популярных публикаций о ВКЛ ежегодно возрастало почти вдвое¹⁵. История этого государства, нередко отождествлявшаяся с «Золотым веком» Белоруссии¹⁶ стала важным направлением научных исследований в академическом Институте истории¹⁷, темой больших конференций¹⁸ и была вскоре включена в учебные программы исторического факультета БГУ¹⁹.

В обобщающих изданиях позиция постсоветской белорусской историографии в отношении ВКЛ отличалась, прежде всего, новой (в сравнении с подходами советской эпохи) трактовкой путей создания этой державы и ее национального характера. Тезис о завоевании территории Белоруссии литовскими князьями отрицался, а вместо этого утверждалась версия их в основном добровольного присоединения к Литве²⁰. Перед опасностью рабо-
щества Немецким орденом и татарской ордой такое объединение будто бы должно было соответствовать интересам как православного населения

¹⁴ Гасевич В. Ці была на Беларусі мангола-татарская ніволя? // 100 пытаний і алказаў з гісторыі Беларусі, уклад. І. Саверчанка, З. Санько. Мінск, 1994, с. 21–23.

¹⁵ См. *Bibliografia Europy Wschodniej. T. XIII: Bibliografia białoruska 1992–1994*. Warszawa, 2002. Увлечение белорусских историков Великим княжеством Литовским в те годы отметил и автор солидной работы о белорусской историографии Райнер Линднер (см. *Лінденер Р. Гісторыкі і ўлада. Нацыятаўторчы працэс і гістарычна палітыка ў Беларусі XIX–XX ст.* Мінск, 2003, с. 454–455).

¹⁶ Лойка А., Лойка Т. Сучасны погляд на гісторыю Беларусі // Крыжовы шлях. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. Мінск, 1993, с. 14–18.

¹⁷ Это засвидетельствовала, в частности, международная конференция «Беларусь в Великом княжестве Литовском» (см. Беларусь у ВКЛ. Круглы стол. Стэнаграма пасяджэння міжнароднага круглага стала. Мінск, 1992).

¹⁸ Наиболее значительные конференции проходили в Гродно, где их организовывал Д. В. Карев, издававший материалы форумов в «Нашем Родоведе».

¹⁹ Шупляк П. Вывучэнне Вялікага Княства Літоўскага на гістарычным факультэце БДУ // Наш Радавод. Кн. 4, ч. 1. Гродна, 1992, с. 142–146.

²⁰ См., например: Грычкевич А. Вялікае Княства Літоўскае. Гістарычны нарыс // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 2. Мінск, 1994, с. 387; Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мінск, 1994, с. 115–116.

Белоруссии, так и язычников литовцев. Впрочем, тезис о ненасильственном вхождении славянских земель в ВКЛ, как и многое другое²¹, не являл собой совершенно новый подход. В российской историографии еще М. К. Любавский, И. И. Лаппо, Ф. И. Леонович и А. Е. Пресняков подчеркивали, что государство Гедиминовичей нельзя считать продуктом завоевания литовцами земель раздробленной Руси.

Упомянутая теория «двух врагов» (немцев и татарской орды), восходящая еще к высказыванию Фридриха Энгельса²², широко использовалась белорусской историографией как в период ее становления²³, так и в последние десятилетия. Несмотря на то, что при специальном исследовании проблемы этот тезис не представляется состоятельным, в некоторых работах 1990-х гг. он получил статус аксиомы²⁴ или даже научного вывода²⁵. То, с какой легкостью эта теория распространялась в историографии, связано с тем, что она предоставляет собой удобное объяснение ненасильственного вхождения земель Белоруссии в ВКЛ. В исторической литературе постсоветской эпохи это положение обрело особенное значение, поскольку соответствовало представлению о ВКЛ как об общем с литовцами государстве, «своем» для белорусов, в то время как в советских учебниках говорилось о «чужой власти литовских и польских панов», как воплощении иноземного господства²⁶.

При повышенном интересе широких слоев общества к истории ВКЛ проблемами его возникновения и характера в Белоруссии специально занимались несколько историков. Первым еще до распада СССР со своей оригиналь-

²¹ Так, например, определение ВКЛ как «литовско-русского государства» принадлежало М. К. Любавскому, оказавшему огромное влияние на белорусскую историографию.

²² *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 22. Москва, 1960, с. 18–19.*

²³ Следует отметить, что эти внешние факторы упоминались и в советской концепции создания ВКЛ, но в ней им отводилась обычно второстепенная роль (см.: История Белорусской ССР. В 2-х т. Т. 1, под ред. А. С. Абенцедарского и др. Минск, 1961, с. 64; Гісторыя Беларускай ССР. У 5 т. Т. 1. Мінск, 1972, с. 124; История БССР, под ред. В. В. Чепко. Ч. 1. Минск, 1981, с. 70 и др.).

²⁴ Гісторыя Беларусі: Вучэбны дапаможнік, пад рэд. А. Ігнаценкі, Я. Несцяровіча. Мінск, 1994, с. 24–25; Штыхай Г., Пляшэвіч У. Гісторыя Беларусі ў сярэднія вякі. Падручнік для 6 кл. Мінск, 1996, с. 91–99; Юхно Я. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск, 1992.

²⁵ См., например, Крајузвіч А. Наваградак і ўтварэнне Вялікага княства Літоўскага // Наваградскія чытальні. Вып.4. Мінск, 1996, с. 13.

²⁶ На этом противопоставлении неоднократно акцентировалось внимание в начале 1990-х гг., когда и формировались позиции национальной историографии Белоруссии. См. выступления известных белорусских историков А. Грицкевича и М. Бича: Беларусь у ВКЛ. Круглы стол. Стэнаграма пасяджэння міжнароднага круглага стала. Мінск, 1992, с. 33, 43, 124.

ной концепцией выступил Николай Ермолович. Построив ее на радикальном отрицании существующих в советской историографии представлений о пути создания ВКЛ (прежде всего о подчинении Руси литовскими князьями), он, в частности, разместил летописную Литву на территории нынешней Белоруссии – между землями Полоцкой, Турово-Пинской и Новогрудской²⁷, и утверждал, что в середине XIII в. создание ВКЛ началось с подчинения этой Литвы боярством Новогрудка, нанявшим князя Миндовга²⁸. Упрощенно отождествляя Белоруссию со средневековой Литвой, Н. Ермолович считал, что в полном названии государства «Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское» определение «литовское» относилось к белорусским землям, «русское» – к украинским, а территория современной Литвы – к Жемайтии²⁹.

К сожалению, многие положения эклектичной концепции Н. Ермоловича были некритически позаимствованы им из российской царской историографии³⁰, а также из популярных изданий белорусских национальных будителей первой половины XX в. Но если мнение о «белорусском» характере ВКЛ и отождествлении собственно Литвы с Жемайтией неоднократно высказывалось в публицистике Западной Белоруссии, а потом в белорусской эмиграции³¹, то идея о подчинении Литвы белорусскими княжествами казалась новой и стала весьма привлекательной для неискушенных читателей. Объявив «мифом» прежнюю концепцию создания ВКЛ и сконструировав свою собственную, противоположную советской, Н. Ермолович сам предложил ничем научно не подтверждаемую версию о белорусских началах ВКЛ и его белорусской сущности, которая обрела в Белоруссии огромное количество сторонников.

²⁷ Ермаловіч М. Па слідах аднаго *міфу*. Мінск, 1989, с. 21–35.

²⁸ Там же, с. 57–67.

²⁹ Там же, с. 58.

³⁰ Известно, например, что еще Н. Г. Устрялов в своем учебнике по истории России, выигравшем в 1837 г. конкурс Министерства народного просвещения, пытался доказать, что Литва входила в «Западную Русь», которая составляла часть российского государства. В его книге литовские князья представлялись по сути как «русские», а Великое княжество Литовское «было чисто русское» (см.: Устрялов Н. Русская история. Часть 1: Древняя история. Изд. 3-е. Санкт-Петербург, 1845, с. 162–178 и др.). Вторая Устрялову, основатель «западноруссизма» Михаил Коялович, непримиримо боровшийся против белорусского национального возрождения, тоже относил к «Западной России» или «Западному краю» не только Белоруссию и Украину, но и саму Литву «в собственном племенном смысле» (см. Коялович М. О. Лекции по истории Западной России. Санкт-Петербург, 1864, с. 1–2).

³¹ См.: Шкялёнак М. Да мэтадолёгі гісторыі Беларусі. Берлін: «Раніца», 1942 (персандація – Беласток, 2003); Станкевіч Я. Курс гісторыі Крыві –Беларусі. Прага, 1941; Станкевіч Я. Нарысы з гісторыі Вялікалітвы–Беларусі. Нью-Джэрзі, 1978.

Крайность и необоснованность большинства положений концепции Н. Ермоловича встретила критику не только в Литве³², но и в самой Белоруссии. В противовес подобным декларациям о ВКЛ как «белорусском» государстве, но не соглашаясь и с его исключительно литовским характером, историк Вячеслав Носевич предпринял попытку осторожного и взвешенного освещения путей создания ВКЛ³³. Он подошел к генезису этого государства как к многофакторному и сложному процессу, отнюдь не отбрасывая наработок старой историографии и лишь отказываясь от ее крайностей. В указанной работе В. Носевича, которая оказалась гораздо более научной, признавалось, в частности, что земли Белоруссии включались в ВКЛ преимущественно по доброй воле, и что их принадлежность к этому государству имела важнейшее значение для формирования белорусов как отдельного этноса.

Третьим, кто в 1990-х гг. специально исследовал проблему возникновения ВКЛ, был гродненский историк А. Кравцевич, который тоже критиковал Н. Ермоловича за ошибочную локализацию летописной Литвы и приписывание Миндовгу роли изгоя. Сам А. Кравцевич размещал ее между Крево и Тракай³⁴ и в отличие от «конфронтационной» концепции предлагал в качестве одного из главных положений тезис об отсутствии конфронтации между славянами и балтами в Понеманье, где он и размещал ядро ВКЛ. Отрицая наличие литовской государственности до создания монархии Миндовга (до середины XIII в.), А. Кравцевич принципиально не признавал приоритета балтов в формировании этого государства и утверждал, что ВКЛ возникало как балто-славянский симбиоз с доминированием славянского элемента³⁵.

Как и следовало ожидать, монография А. Кравцевича вызвала не только полемику в Белоруссии³⁶, но и острую критику со стороны литовских историков, в частности рецензию А. Дубониса, который назвал эту концепцию «разновидностью царской российской теории русско-литовского государства», и даже «более реакционной», чем последняя³⁷. Иронически-издевательский

³² Наиболее известным примером критики М. Ермоловича в Литве стала статья Эдвардаса Гудавичюса: *Gudavičius E. Following the Tracks of a Myth* // Lithuanian Historical Studies. V. 1. Vilnius, 1996, pp. 38–58.

³³ Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993.

³⁴ Крајуэвіч А. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 1998, с. 197.

³⁵ Там же, с. 172–174.

³⁶ Крајуэвіч А. Да праблемы генэзісу ВКЛ // БГА, 1998, т. 5, с. 448–454; Насевіч В. Пытанні ў больш чым адказаў // БГА. 1998, т. 5, с. 210–226; Насевіч В. Няма сутнасных разыходжаній // БГА. 1998, т. 5, с. 455–446.

³⁷ Dubonis A. Rec. // Mūsų praeitiš, № 6. Vilnius, 1999, p. 207–213; Lithuanian Historical Studies. Vol. 4. Vilnius, 1999, pp. 151–157; в пер. на бел. яз. см. Гістарычны альманах. 2001, т. 5, с. 162–167.

стиль рецензии дал повод А. Кравцевичу заключить, что «литовские историки не хотят диалога»³⁸.

Огромный рост внимания к историческому наследию ВКЛ в Белоруссии в 1990-е гг. объясняется, прежде всего, тем, что молодая историография суверенной республики стремилась легитимировать наследование традиций государственности ВКЛ. В целом в попытках утвердить свое право на традиции государственности ВКЛ белорусская историография 1990-х гг. допускала немало упрощений и преувеличений, особенно в исторической публицистике. Стоит, однако, подчеркнуть, что как «белорусское государство» ВКЛ было представлено, похоже, лишь в публикациях Н. Ермоловича³⁹, да в самых радикальных популярных изданиях национальных будителей⁴⁰. В научной историографии и учебной литературе укрепилось название «белорусско-литовское государство»⁴¹ («беларуска-літоўская дзяржава», «беларуска-літоўскае гаспадарства»)⁴². Этим был сделан шаг вперед после определения, утвержденного белорусской историографией еще в 1920-х гг. В свое время Вацлав Ластовский, первым написавший синтез отечественной истории «с положения пользы и вреда для белорусского народа», следом за дореволюционными российскими историками чаще называл ВКЛ «литовско-русским», чем «литовско-белорусским» государством⁴³. Впервые же постоянно называть ВКЛ «литовско-белорусским» государством начал Всеволод Игнатовский, создавший в 1919 г. первый официальный учебник по белорусской истории⁴⁴. Кстати, следует заметить, что авторы первой вузовской программы по истории Белоруссии (самой независимой из существующих по сей день) выбрали более взвешенную позицию: они вообще не касались проблемы национальной

³⁸ Крајчэвіч А. Дыскусія пі сварка? // Гістарычны альманах, 2001, т. 5, с. 172.

³⁹ Само название завершающей книги этого историка красноречиво говорило о его главном постулате: Ермаловіч М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае. Мінск, 2000.

⁴⁰ Так, например, в одном таком популярном издании филолог Иван Саверченко называл ВКЛ даже «белорусской имперней» (см. Саверчанка I. Што такое Вялікае Княства Літоўскае? // Сто пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. Мінск, 1994, с. 62–66).

⁴¹ См.: Беларусь у ВКЛ. Круглы стол. Стэнаграма пасяджэнні ў міжнароднага круглага стала. Мінск, 1992; Грычкевіч А. Вялікае княства Літоўскае // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 2. Мінск, 1994, с. 387–423; Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мінск, 1994, с. 69, 103, 114–116; Азмітрачкоў П. Ф. Беларусь у складзе ВКЛ. Другая палова XIII – першая палова XVII ст. Магілёў, 2003, с. 25–26 и многие др. издания.

⁴² В академической среде последовательным противником такого подхода оставался М. Ф. Спиридовонов, критиковавший всякую национализацию истории ВКЛ. Ср. его позицию: Круглый стол «Великое княжество Литовское» // Родина. 1993, № 3, с. 86.

⁴³ Ластоўскі В. Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня, 1910 (репринтное переиздание – Мінск, 1993), с. 5.

⁴⁴ Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мінск, 2002.

принадлежности этого государства, а просто вписали период ВКЛ в отечественную историю, использовав лишь его историческое название⁴⁵.

Популярная в широких кругах парадаучная версия Н. Ермоловича о белорусском происхождении ВКЛ, хотя и подвергшаяся критике в самой Белоруссии (в том числе, со стороны обоих авторов специальных трудов о началах ВКЛ – В. Носевича⁴⁶ и А. Кравцевича⁴⁷), явилась главным раздражителем, приведшим к серьезной конфронтации с литовской историографией⁴⁸. Эта конфронтация коснулась не только вопроса о путях создания ВКЛ и его характера, но также вопросов разграничения этнических территорий, «принадлежности» Вильно⁴⁹, а в публицистике – даже названия «Литва»: подчеркивая разницу между историческим значением этого термина и современным, некоторые авторы предлагали называть балтскую Литву «Летувой» – «как она сама себя называет по-литовски», а исторический термин употреблять в отношении прошлого Белоруссии и славянской части ВКЛ вообще. Это «изобретение», использованное когда-то польскими национал-демократами, а потом белорусской эмиграцией, воспринималось литовцами как оскорбительное, и в Минске вскоре от него отказались, хотя некоторые историки и поныне стремятся вводить его в обращение⁵⁰.

Попыткой выхода из конфронтации и решения белорусско-литовских споров вокруг наследия ВКЛ на компромиссно-договорной основе стало несколько встреч историков Белоруссии и Литвы, организованных по инициативе Международной ассоциации белорусистов во главе с профессором Адамом Мальдисом в 1992 г., однако ожидаемого результата они не принесли. Хотя

⁴⁵ Ігнаценка А., Цяллова В., Несціровіч Я., Сосна У. Програма курса «Гісторыя Беларусі» для студэнтаў ВНУ Рэспублікі Беларусь па спецыяльнасці «Гісторыя». Мінск, 1996, с. 5–9.

⁴⁶ Насевіч В. Працэс утварэння Вялікага Княства Літоўскага (XIII–XIV ст.) // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён: Зборнік артыкулаў. Мінск, 1992, с. 54–63; Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993.

⁴⁷ Крајуэвіч А. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 1998.

⁴⁸ О суті конфлікта см.: Беларуска-літоўскі канфлікт. Гутарка гісторыкаў літаратуры // Наша Ніва, 22 сакавіка 1996.

⁴⁹ В периодике много писалось о раннем присутствии и доминировании белорусов в Вильне (см., например: Зайкоўскі Э. Беларусы ў старажытнай Вільні // Спадчына, 1993, № 1, с. 17–24; Зайкоўскі Э. Крыўіцкая Вільня // Беларускі гістарычны часопіс, 1994, № 1, с. 10–16), а Николай Ермолович прямо называл Вильно «известно белорусским городом» (см. Ермоловіч М. Старажытная Беларусь. Віленскі перыяд. Мінск, 1994, с. 5, 84).

⁵⁰ В последнее время эта полузабытая идея снова культивируется, причем в серьезных изданиях: Крајуэвіч А. Тэрміны «Літва» і «Летувा» ў сучаснай беларускай гісторыяграфіі // Гістарычны альманах, т. 9. Гродна, 2003, с. 104–105.

считалось, что успехом переговоров явилось соглашение о том, чтобы ВКЛ с белорусской стороны называть «белорусско-литовским», а с литовской – «литовско-белорусским», употребляя их как равнозначные⁵¹, литовские историки никогда таким определением не пользовались. Последней такой попыткой стал научный семинар «Культурное наследие ВКЛ и его значение для современных Беларуси и Литвы, взаимопонимания в Европе», проведенный весной 2001 г. в Римдюнах благодаря польско-белорусской инициативе, однако и после этой встречи стороны остались на своих позициях.

Следует отметить, что претензии Минска на ВКЛ меньше всего касались самой государственности. При взвешенном подходе белорусские историки, в той или иной степени признавая доминирование литовцев в сфере политической, обычно подчеркивали факт демографического и территориально-экономического превосходства белорусов, господство старобелорусской культуры и, прежде всего, языка, использовавшегося в качестве государственного (знаменитые Статуты, документы государственной канцелярии и др.). Это тоже предоставляло достаточные основания для того, чтобы считать княжество «белорусско-литовским». Включение земель Белоруссии в ВКЛ признавалось существенным фактором, способствовавшим формированию белорусского народа и развитию его культуры⁵².

Представляя ВКЛ в качестве «своего» государства, белорусским историкам трудно было удержаться от идеализаций и преувеличений в его характеристиках. Так, например, государственный строй ВКЛ они характеризовали как весьма демократический, а его внутреннюю политику – как вполне толерантную⁵³, тем самым, прежде всего, подчеркивая разницу между ВКЛ с одной стороны, и Московским государством – с другой. В отличие от утверждений старой историографии о постоянных притеснениях православной церкви в ВКЛ, в новой литературе акцентировалось внимание на ее вполне нормальном положении и на фактах участия православного населения Белоруссии в защите своего государства против войск единоверной Москвы. Своеобразным символом этого противостояния стала битва под Оршой (1514), которой в первой половине 1990-х гг. в Белоруссии было

⁵¹ Беларусь у ВКЛ. Круглы стол. Стэнаграма насядження ў міжнароднага круглага стала. Мінск, 1992, с. 124.

⁵² Пилипенко М. Ф. Возникновение Белоруссии: новая концепция. Минск, 1991, с. 129; Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993, с. 139–140; Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мінск, 1994, с. 194–195; Адмітракоў Г. Ф. Беларусь у складзе ВКЛ. Другая палова XIII – першая палова XVII ст. Марілёў, 2003, с. 38, 201, 268.

⁵³ Гісторыя Беларусі: Вучэбны дапаможнік, пад рэд. А. Ігнаценкі, Я. Несцяровіча. Мінск, 1994, с. 22.

посвящено больше публикаций, чем какому-либо другому событию средневековой и новой истории⁵⁴.

Надо заметить, сюжетам, связывающим Белоруссию с западно-католическим миром (таким, например, как само создание ВКЛ, борьба с крестоносцами, Кревская и Люблинская унии, распространение магдебургского права, Реформации, Брестская церковная уния и т. д.), в исторической литературе 1990-х гг. уделялось несравненно больше внимания, чем когда-либо раньше. В связи с этим не удивительно, что и Люблинская уния, считавшаяся в старой историографии концом самостоятельности ВКЛ⁵⁵, в 1990-х гг. многими белорусскими историками стала оцениваться в меру положительно⁵⁶. При этом необходимость ее заключения обосновывалась в первую очередь потребностью в защите от армии царя Ивана IV, а плюсы виделись также в активизации связей с Западом⁵⁷. Юридически оформленное в Любlinе объединение ВКЛ и Польской Короны характеризовалось как федерация двух государственных организмов, государство многих народов, в котором надлежащее место занимал и белорусский народ⁵⁸.

Правда, у многих историков-популяризаторов (а специальные научные исследования обстоятельств заключения унии и ее последствия для населения Белоруссии до последнего времени в Минске не проводились) по-прежнему доминировала отрицательная оценка подписанной в Любlinе унии⁵⁹. Это было характерно не только для вузовских учебников по истории Белоруссии, написанных с позиций президентского курса на интеграцию с Россией⁶⁰,

⁵⁴ Большинство появившихся тогда публикаций носило публицистический характер, к источникам обращались лишь немногие (ср.: *Грыцкевич А., Трусаў А.* Бітва пад Оршай // *Мастацтва Беларусі*, 1990, № 8; *Грыцкевич А.* Бітва пад Оршай 8 верасня 1514 г. // *Спадчына*, 1992, № 6, с. 2–11; *Грыцкевич А.* Аршанская бітва 1514 г. // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*. Т. 1. Мінск, 1993, с. 187–188).

⁵⁵ Именно так она рассматривалась, к примеру, в классическом учебнике В. Игнатовского (см. *Ігнатоўскі У.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мінск, 1992, с. 114–115).

⁵⁶ Как пример радикально положительной оценки унии см. *Трусаў А.* Прышоў час збіраць камяні // *Unia Lubelska i tradycje integracyjne w Europie Środkowo-Wschodniej*. Lublin, 1999, с. 57–59.

⁵⁷ *Грыцкевич А.* Гісторыя геапалітыкі Беларусі // *Спадчына*, 1994, № 3, с. 40–41.

⁵⁸ *Лойка Л., Лойка Т.* Сучасны погляд на гісторыю Беларусі // *Крыжовы шлях. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі*. Мінск, 1993, с. 18–25; *Дапаможнік па гісторыі Беларусі*, пад рэд. А. Каханоўскага і інш. Мінск, 1995, с. 60–61; Гісторыя Беларусі. Дапаможнік для пастуваючых у ВНУ, пад рэд. Ю. Казакова і інш. Мінск, 1998, с. 87–90.

⁵⁹ *Чаронка В.* «Братэрская любоў» // *Беларуская мініўпчына*, 1995, № 1, с. 7–10; *Чаронка В.* Люблинская уния // *Беларуская мініўпчына*, 1995, № 2, с. 31–34; *Дмітрачоў Г. Ф.* Беларусь у складзе ВКЛ. Другая палова XIII – першая палова XVII ст. *Магілёў*, 2003, с. 103–104.

⁶⁰ Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 1: Ад старажытных часоў – па люты 1917 г., пад рэд. Я. Новікава, Г. Марцюля. Мінск, 1998, с. 169–170. На тэнденціозность этого учебника

или для национально ангажированных историков-популяризаторов, но и для представителей неполитизированной академической историографии. К примеру, в докладе директора Института истории НАН Беларуси, обобщающем многолетние исследования историков, говорилось о «систематическом наступлении на белорусский этнос» в Речи Посполитой, о проведении политики полонизации⁶¹ и т. д. Видимо, стереотип советской историографии, которая с заключением Люблинской унии связывала только отрицательные для Белоруссии последствия, не находя в объединении ни одного плюса⁶², оказался слишком устойчивым в историческом сознании белорусов.

И все же в белорусской исторической литературе образ Речи Посполитой становился в целом если не привлекательным, то достаточно амбивалентным. В первую очередь подчеркивалось, что Люблинский акт не завершал прежнюю историю белорусско-литовского государства; ВКЛ превращалось в часть федеративной Речи Посполитой, которая представлялась демократическим многонациональным государством, более двух веков являвшимся историческим домом белорусского народа. Это государство больше не ассоциировалось с анархией и постоянным усилением национально-религиозного угнетения, о котором последовательно говорилось в учебниках советской эпохи⁶³.

Стоит заметить, что, несмотря на откровенно иной «заказ» нынешней власти, в научной литературе Белоруссии положительное или нейтральное представление Речи Посполитой в основном сохранялось до последнего времени⁶⁴. При всех внутренних проблемах этого государства (полонизация, дискриминация православия при распространении католичества и т. п.) в белорусской учебной литературе образ Польши не получил такой негативной окраски, как в украинских учебниках 1990-х гг.⁶⁵ Более того, в белорусской

обращали внимание даже журналисты (см. *Бобоед* У. Вместо истории Беларуси – история дружбы с Россией? // Комсомольская правда (в Беларуси), 5 января 2001 г., с. 8.

⁶¹ Касюк М. Асноўныя вынікі і задачы даследавання гісторыі Беларусі // Гістарычна наука і гістарычна адукцыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця. Матэрыялы II Усебеларускай канф. гісторыкаў, 10–11 красавіка 1997 г. Мінск, 1999, с. 6.

⁶² Как характерный пример см. Гісторыя Беларускай ССР. У 5 т. Т. 1. Мінск, 1972, с. 230–231.

⁶³ История Белорусской ССР. В 2-х т. Т. 1, под ред. А. С. Абецедарского и др. Минск, 1961, с. 120–134; Гісторыя Беларускай ССР. У 5 т. Т. 1. Мінск, 1972, с. 231–234, 242–254, 350–352; История Белорусской ССР, ред. И. М. Игнатенко и др. Минск, 1977, с. 63–85.

⁶⁴ Грыцкевіч А. Рэч Паспалітая // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. Кн. 1. Мінск, 2001, с. 178–179.

⁶⁵ О различиях белорусского и украинского образов Польши см.: Партноў А. Беларусь і беларусы ў украінскіх падручніках па гісторыі // Беларускі Гістарычны Агляд, 1998, т. 5, спл. 2, с. 437; Гончаренко Н., Кушнарьова М. Школа іншування // Критика, 2001, № 4; Сагановіч Г. Вобраз суседа ў беларускіх і украінскіх падручніках па гісторыі (1990-я гады) // XIII Міжнародны з'езд славісташ (Любліна, 2003). Даклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2003, с. 383–385.

историографии постепенно произошло, с одной стороны, развенчание геройской роли в белорусской истории украинских казаков⁶⁶, изображавшихся ранее освободителями от польского угнетения, а с другой – реабилитация литовского гетмана Януша Радзивилла⁶⁷, называвшегося в советские времена «душителем белорусского народа».

Не менее разительно изменилось и отношение историков суворенной Белоруссии к Брестской церковной унии 1596 г. Хотя ни о каком единстве взглядов говорить не приходится⁶⁸, для большинства публикующихся историков было характерно стремление исправить тот негативный образ унии, который в прошлом утвердила за ней российская и белорусская советская историография⁶⁹. Постановления Брестского собора рассматривались как выход православной церкви из глубокого кризиса, в котором она оказалась в Речи Посполитой, т. е. как естественное и целесообразное событие. При этом внимание обращалось на позитивные результаты заключения унии, а о негативных предпочиталось не упоминать. Примечательно, что если в советской историографии уния представлялась важнейшим фактором полонизации русинов, то историки суворенной Белоруссии, наоборот, стали видеть в ней препятствием ополячиванию⁷⁰. Роль в этнокультурном развитии белорусского народа преувеличивалась настолько, что греко-католицизм иногда даже назывался национальной религией белорусов⁷¹ или попыткой создания таковой⁷². Эти

⁶⁶ Соніч А. Пра пінскі бунт, «страшную камету» і казацкую палітыку // Беларуская мінуўшчына, 1997, № 3, с. 20–26.

⁶⁷ Гісторыя Беларусі. Дапаможнік для паступаючых у ВНУ, пад рэд. Ю. Казакова і інш. Мінск, 1998, с. 136–140; Дапаможнік па гісторыі Беларусі, пад рэд. А. Каханоўскага і інш. Мінск, 1995, с. 86–88; Чаротка С. Адносіны насельніцтва Беларусі да казакоў пад час вайны 1648–1651 г. // Славянский мир и славянские культуры в Европе и мире: место и значимость в развитии цивилизаций и культур, ч. 1, гл. ред. В. А. Космач. Вітебск, 2002, с. 97–99; Чаротка С. Белорусско-украинские отношения во время войны 1648–1651 г. в Беларуси // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность и перспективы, под ред. В. В. Кириленко. Гомель, 2003, с. 267–268.

⁶⁸ Даже в учебной литературе образца 1992–1995 гг. сохранялась отрицательная оценка церковной унии (как пример см. Гісторыя Беларусі: Вучэбны дапаможнік, пад рэд. А. Ігнаценкі, Я. Несцяровіча. Мінск, 1994, с. 36).

⁶⁹ Особенno показательна в этом плане позиция авторов первого академического издания «Истории Белорусской ССР» (История Белорусской ССР. В 2-х т. Т. 1, под ред. В. Н. Перцева. Минск, 1954, с. 128). Справедливости ради надо отметить, что отрицательно оценивал церковную унию и В. Игнатовский, считая ее, как и Люблинский акт, средством ликвидации независимости ВКЛ (см. Ігнатоўскі В. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мінск, 1992, с. 125).

⁷⁰ Грыцкевіч В. П. Гісторыя і міфы. Мінск, 2000, с. 150.

⁷¹ Примечательно, что такое определение унии в свое время дал Максим Богданович (см. Богданович М. Белорусское возрождение // Багданович М. Збор твораў. У 2 т. Т. 2. Мінск, 1968, с. 219).

⁷² Марозава С. Уніяцкая царква ў культурна-гістарычным развіцці Беларусі (1596–1839).

и подобные им тезисы⁷³, хотя они зачастую недостаточно аргументированы, не лишены интереса как свидетельство ориентации определенной части представителей современной историографии Белоруссии.

Естественно, в национальной концепции истории Белоруссии ликвидация Речи Посполитой не могла считаться прогрессивным и справедливым актом, отвечавшим, как утверждалось в советской историографии, интересам «широких масс белорусского народа» и являвшимся «исторической необходимостью»⁷⁴. Во многих работах и учебниках отмечалось как раз противоположное значение разделов⁷⁵, а антироссийское восстание во главе с Тадеушем Костюшко, направленное на спасение Речи Посполитой, называлось «трагической и славной страницей» белорусской истории⁷⁶. На фактах показывалось, что Речь Посполитая сама начала выходить из кризиса, успешно проводя экономические и общественные реформы, и ее ликвидация явилась несправедливым «актом насилия»⁷⁷.

В целом белорусская национальная историография уже в первой половине 1990-х гг. выработала такой образ прошлого своей страны, который принципиально отличался от его советской версии, и важнейшее место в нем заняло ВКЛ – государство, в котором сформировался и с которым много веков связывал свои судьбы белорусский народ. В исторической литературе тех лет появились контраргументы, выдвинутые практически против всех ключевых положений советской москвоцентричной доктрины объяснения прошлого страны⁷⁸. Исключением стала разве что сугубо негативная оценка Немецко-

Гродна, 1996, с. 105; *Саверчанка І.* Канцлер Вялікага Княства: Леў Сапега. Мінск, 1992; *Сміховіч М.* Брэсцкая унія: сацыяльна-палітычны аспект // Брэсцкая унія 1569 г.: гісторыя і культура, рэд. С. А. Яцкевіч. Брэст, 1996, с. 6–8.

⁷³ Подробно о современных взглядах белорусских историков на унию см. *Верниковская Е.* Роль унии в этнокультурном развитии Белоруссии конца XVI–XVII в. современной белорусской историографии // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник, 2003. Москва, 2003, с. 254–281.

⁷⁴ История Белорусской ССР. В 2 т. Т. 1, под ред. В. Н. Перцева. Минск, 1954, с. 25; История Белорусской ССР. В 2-х т. Т. 1, под ред. А. С. Абенцедарского и др. Минск, 1961, с. 249; История Белорусской ССР, ред. И. М. Игнатенко и др. Минск, 1977, с. 90.

⁷⁵ Специально разделами Речи Посполитой занимался Е. Анищенко (см.: *Анішчанка Я.* Генеральнае межаванне на Беларусі. Мінск, 1996; *Анішчанка Я.* Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796). Мінск, 1998 и др. работы этого автора; ср.: *Лойка А., Лойка Т.* Сучасны погляд на гісторыю Беларусі // Крыжовы шлях. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. Мінск, 1993, с. 20, 25; *Філатава А.* Тры падзелы Рэчы Паспалітай // Крыжовы шлях. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. Мінск, 1993, с. 97–117).

⁷⁶ *Грыцкевіч А.* Паўстанне 1794 г.: перадумовы, ход, вынікі // Беларускі гістарычны часопіс, 1994, № 1, с. 39–47; *Емальянчык У.* Палаанэз для касінераў. Мінск, 1994; *Юхно Я., Емальянчык У.* «Нарадзіўся я ліцвінам». Мінск, 1994.

⁷⁷ Дапаможнік па гісторыі Беларусі, пад рэд. А. Каханоўскага і інш. Мінск, 1995, с. 108.

⁷⁸ Имеются в виду «Тезисы об основных вопросах истории БССР», являвшиеся главным

го ордена и немцев, утвердившаяся и в национальной концепции истории Белоруссии⁷⁹. Отвергая основные положения великороссийской и советской историографии, белорусские историки вводили новую ценностную ориентацию: они экспонировали в основном западные параметры своей истории и культуры, и как раз история ВКЛ давала для этого прекрасные возможности. Иными словами, в историографии суверенной Белоруссии возобладали про-западные трактовки. Эту ее особенность точно подметил немецкий ученый Райннер Линденер, написавший, что в этом плане интеллектуалы Белоруссии и России смотрят в противоположных направлениях⁸⁰.

Характеризуя взгляды белорусской историографии 1990-х гг. на ВКЛ и Речь Посполитую, нельзя не представить позиций совсем иного лагеря, который оформился и занял влиятельное положение в результате укрепления президентской власти и смены политического курса страны. Как известно, начиналось все с установления контроля над учебной литературой по истории. В 1995 г. президент А. Лукашенко распорядился изъять из системы школьного и вузовского образования учебники образца 1992–1995 гг., созданные на основе национальной концепции⁸¹. Как утверждалось – за «русофобию», очернение России и советской эпохи, а так же за «симпатии к Западу». Ответственность за содержание новой учебной литературы возлагалась на специально созданную Государственную комиссию по учебникам. Фактически, с этого началось возвращение к советским и пророссийским образцам интерпретации прошлого⁸². Влиятельные члены этого органа открыто объявили, что их ориентиром освещения прошлого Белоруссии стала «политика президента»⁸³.

В создаваемых под контролем упомянутой комиссии школьных и университетских учебниках образ ВКЛ и особенно Речи Посполитой стал практически противопоставляться всему, что писалось историками национального

руководством по истории Беларуси вплоть до конца 1980-х гг. (см. Тезисы об основных вопросах истории БССР. Часть 1: История белорусского народа до Великой Октябрьской революции // Известия АН БССР, № 3. Минск, 1948).

⁷⁹ Саганович Г. «Дранг нах остэн» у сучаснай беларускай гісторыяграфіі // Сучасныя праблемы гісторыяграфіі гісторыі. Матэрыялы Рэспубліканскай наўукова-практычнай канферэнцыі, 28 лістапада 2003 г. У 3 ч. Ч. 1. Мінск, 2003, с. 24–27.

⁸⁰ Лінднер Р. Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчыя іраптэс і гісторычнае палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. Мінск, 2003, с. 482–483.

⁸¹ Новый учебный год начнется по старым учебникам // Советская Белоруссия, 1995, 17 августа, с. 1.

⁸² Подробнее о замене учебников и введении цензуры на исторические издания см.: Саганович Г. Вайна з беларускай гісторыяй // Архэ – Скарына. 2001. № 3, с. 11–18.

⁸³ Петрыкаў П. Туман русафобіі ахутаў Беларускую Энцыклапедыю // Беларуская думка. 1996, № 3.

лагеря⁸⁴. Прошлое Белоруссии в них стало связываться исключительно с православием, а значение связей с Россией всячески гипертрофировалось; постулировалось изначальное национальное единство Руси, нарушенное татарским нашествием и силовым подчинением ее западных земель литовцами; вновь говорилось о бесправном и угнетенном положении белорусского народа в государстве литовских феодалов и тем более польских панов, из которого выводилось стремление белорусов к «воссоединению» с Россией⁸⁵. Естественно, все то, что мешало последнему, оценивалось отрицательно и осуждалось. С такой перспективы сам факт вхождения Белоруссии в состав ВКЛ или Речи Посполитой воспринимался с сожалением⁸⁶, а ликвидация Речи Посполитой в результате трех разделов категорически оправдывалась⁸⁷.

С конца 1990-х гг. руководство Республики Беларусь взялось последовательно проводить устаревшие постулаты «западноруссизма» и в сфере вышего образования. Значимой вехой в этой кампании можно считать выход в свет двухтомного университетского учебника, объявленного ответом на «русофобские» измышления оппозиционных историков⁸⁸. В этом образце новоизмененной исторической политики, авторы которого открыто признавались в следовании президентскому курсу на интеграцию с Россией, исходящим принципом объяснения прошлого Белоруссии стала идея общерусского единства. Эпоха ВКЛ с такой перспективы не могла видеться естественным этапом отечественной истории, но странным образом в эклектике взглядов большого коллектива авторов этого учебника сохранились еще более-менее взвешенные и положительные характеристики ВКЛ, которое определялось как «литовско-белорусское государство» до середины XV в., и как «белорусско-литовское» на вторую половину XV–XVI вв.⁸⁹. Зато все связи с Польшей начиная с Кревской унии получали самые отрицательные оценки – точно как у

⁸⁴ Один из первых примеров открытого противопоставления позиций см. Очерки военной истории Беларуси. Минск, 1995; ср. *Асноўскі С.* «Очеркі» супраць «Нарысаў», або што такое «материалистическое понимание истории» // Беларуская мінішчына, 1995, № 6, с. 38–41.

⁸⁵ Загарульскі Э. М. Гісторыя Беларусі: з сярэдзіны I тыс. Да Люблінскай уніі 1569 г.: Падручнік для 6 кл. Мінск, 1999, с. 56, 101, 111, 189 и др.

⁸⁶ Там же, с. 88, 111.

⁸⁷ Мілаванай В. Гісторыя Беларусі. Канец XVIII–1917 г. Падручнік для 8 класа. Мінск, 1998.

⁸⁸ Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 1: Ад старажытных часоў – па люты 1917 г., пад рэд. Я. Новікава, Г. Марцулія. Мінск, 1998. Критику этого учебника см.: Сагановіч Г. Вяртанне ў «Северо-Западный край» // БГА. 1998, т. 5, спр. 2 (9), с. 457–488; Біч М. Гістарычныя навацы ў навучальнай літаратуры // БГА, 1998, т. 5, спр. 2 (9), с. 489–522.

⁸⁹ Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 1: Ад старажытных часоў – па люты 1917 г., пад рэд. Я. Новікава, Г. Марцулія. Мінск, 1998, с. 101.

царских историографов XIX в. Так, например, Люблинскую унию, в советское время упоминавшуюся лишь как малозначительное событие, негативное значение которого виделось только в расширении влияния католицизма и полонизации⁹⁰, авторы называли «трагической страницей истории Белоруссии»⁹¹, а свойственную Речи Посполитой ограниченную монархию и шляхетскую демократию – «наихудшей формой управления государством»⁹².

Чтобы покончить с остатками «вольнодумства» в интерпретациях прошлого, государственной властью Республики Беларусь в 2001–2002 гг. было инициировано внедрение в систему исторического образования «общегосударственного стандарта»⁹³ в виде «новой концепции исторической науки», разработанной могилевским доцентом Яковом Трещенком. В его двухтомном учебнике для студентов, написанном по поручению президента А. Г. Лукашенко, в самом концентрированном виде были актуализированы взгляды имперской российской историографии на ВКЛ⁹⁴. В этом издании воскрешены все основные идеи из наследия М. О. Кояловича. Во главу угла исторических интерпретаций в нем поставлен тезис о генетически обусловленном «единстве трех ветвей русского народа» – великороссов, украинцев и белорусов. Главным здесь объявлен фактор религиозной принадлежности, при котором Белоруссия связывается только с православием, а сам факт существования белорусов-католиков категорически отрицается. Негативно оценивая включение земель Белоруссии в ВКЛ, Я. Трещенок утверждает, что многочисленные войны между Московским государством и ВКЛ в XVI–XVIII вв. были справедливой борьбой первого за «воссоединение» захваченных земель Руси в одном государстве. Эти войны, в которых не могло не участвовать и население Белоруссии, согласно Я. Трещенку, «нельзя представлять как белорусско-русские столкновения», ибо это будет «злонамеренная фальсификация»

⁹⁰ Баранава М. П., Загарульскі Э. М., Паўлава Н. Г. Гісторыя БССР. Падручнік для 8–9 класаў сярэдняй школы. Мінск, 1989, с. 63.

⁹¹ Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч.1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 г. Пад рэд. Я. Новіка, Г. Марцуля. Мінск, 1998, с. 170.

⁹² Там же, с. 261.

⁹³ О необходимости принятия «государственных стандартов и общей концепции исторического образования» как о неотложной задаче недавно заявлял на международной конференции в Минске ректор Могилевского университета (см. Матэрыялы круглага стала «Гістарычна навука і гістарычна адукцыя ў Рэспубліцы Беларусь» // Беларускі гістарычны часопіс. 2006, № 11, с. 17–18).

⁹⁴ История Беларуси. Учебное пособие для студентов. В 2-х ч., под ред. Я. Трещенка. Ч. 2. Могилев, 2005; Трещенок Я. История Беларуси. Ч. 1: Досоветский период. Могилев, 2003; см. критическую рецензию: Смалянчук А. Навоніта Лукашэнку Трапчанок? // ARCHE, 2006, № 3, с. 56–64.

истории⁹⁵. Все прошлое Белоруссии в его концепции определяется противостоянием Востока и Запада, при этом с Запада (из Польши) в Белоруссию шло только зло и моральное разложение, тогда как из России – только добро. Заключенная Ягайлом в Крево уния с Польшей (1385) принесла «неисчислимые страдания белорусскому народу», потому что, будто бы с нее начались «непрекращавшиеся гонения на православие», а Люблинская и Брестская унии представляются ему еще большим злом. Саму Речь Посполитую, частью которой являлось ВКЛ, Я. Трещенок называет неспособной к жизни «исторической химерой»⁹⁶ и т. п.

Печальнее всего то, что изложенные в учебнике Я. Трещенка постулаты не раз высказывал и его бывший студент – нынешний глава государства. К примеру, парламентаризм Речи Посполитой президент А. Лукашенко охарактеризовал как «говорильню и болтовню», которая привела «к параличу власти» и «ликвидации самого государства»⁹⁷, а история ВКЛ у него ассоциируется только с «утягнутенным и зависимым положением белорусов»⁹⁸.

Несмотря на такую откровенно антиисторическую политику в сфере исторического образования и науки, властям пока не удалось сформировать в широкой общественности отношение к ВКЛ как к чужеземному государству. Кажется, наоборот, белорусские историки еще интенсивнее занялись исследованием его богатой истории, и наконец начали издавать Метрику ВКЛ⁹⁹. При подготовке первого обобщающего труда по истории и культуре ВКЛ «Энциклопедия Великого княжества Литовского»¹⁰⁰, вызвавшего огромный интерес общественности, впервые применилось на практике сотрудничество белорусских историков с литовскими коллегами, что само по себе доказало принципиальную возможность диалога.

⁹⁵ Трещенок Я. История Беларуси. Ч. 1: Досоветский период. Могилев, 2003, с. 65.

⁹⁶ Трещенок Я. История Беларуси. Ч. 1: Досоветский период. Изд. 2-е. Могилев, 2004, с. 57.

⁹⁷ Лукашенко А. Г. Исторический выбор Беларуси: Лекция Президента Республики Беларусь в БГУ, 14 марта 2003 г. Минск, 2003, с. 42.

⁹⁸ См. Комсомольская правда в Беларуси, 24 ноября 2005 г.

⁹⁹ На сегодняшний день в Минске выпло шесть книг Метрики ВКЛ. Подробно об этой работе см. Дзярнович О. Деятельность по изучению и изданию Метрики Великого Княжества Литовского в Беларуси // Новости Литовской Метрики, № 5. Вильнюс, 2002, с. 27–34.

¹⁰⁰ Вялікае княства Літоўскага: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1. Мінск, 2005; Т. 2. Мінск, 2006.